

Нибусин Артем Сергеевич

советник ректора

Московский государственный институт
культуры (Москва, Россия)

E-mail: nibusin_as@mgik.org

**СУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
КАК КУЛЬТУРФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПРОБЛЕМА ПРАВА**

Претензии о том, что компьютер стер или не сохранил текст, отключился в самый неподходящий момент, сегодня уходят в прошлое. Совершенно понятно, что не компьютер, а его пользователь удалил или не сохранил материал, с которым работал, или что-то произошло с электрической сетью, питающей компьютер, а не он сам решил выдернуть шнур из розетки. Такие ситуации перекалывания своих неудач на компьютер оказываются невозможными из-за того, что даже обыденное сознание сегодня не наделяет компьютер субъектностью. Вместе с тем быстрое развитие и широкое распространение искусственного интеллекта (далее — ИИ) и недостаточное представление о механизмах его работы не только среди обычных его пользователей, но и ученых — его разработчиков, создает поле неопределенности в действиях, которые производятся интеллектом человека и его искусственным аналогом. Уровень последствий от неверной оценки возрастает в связи с воздействием, которое ИИ оказывает на общество и отдельных граждан. Пользователи настолько привязываются к его алгоритмам, что отключение от них в состоянии привести не только к потере информации, но депрессии, а то и потере жизни. Несмотря на то, что такие ситуации оказываются редкими, все они, получая известность, продуцируют нравственную оценку, а в ряде случаев — судебные разбирательства. Редкие компании-разработчики ИИ принимают на себя ответственность за действия ИИ. Как правило, безответственным наделяются действия пользователя ИИ или проблемы с алгоритмом. Следовательно, в один субъектный ряд попадают человек и ИИ, что выступает уже не только проблемой культуры человека, но и права. В статье осуществляется попытка доказательства бессубъектности ИИ с привлечением культурфилософского анализа. Выводы о бессубъектности ИИ, а тем самым правовой ответственности его разработчиков являются следствием данного анализа.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъектность ИИ, оценка ИИ человеком, правовые последствия бессубъектности ИИ

Для цитирования: Нибусин, А. С. Субъектность искусственного интеллекта как культурфилософская проблема и проблема права / А. С. Нибусин // Вестник культуры и искусств. — 2026. — № 3 (87). — С. 94–104.

Nibusin Artem S.

Advisor to the Rector

Moscow State Institute of Culture
(Moscow, Russia)

E-mail: nibusin_as@mgik.org

The Agency of Artificial Intelligence as a Problem of Cultural Philosophy and Law

Complaints that a computer erased or failed to save a text, or shut down at the most inconvenient moment, are becoming a thing of the past. It is perfectly clear that it is the user — not the computer — who deleted or failed to save the material being worked on, or that a power grid issue occurred rather than the computer deciding to unplug itself. Such attempts to shift the blame for

one's own failures onto the computer are untenable because even the layperson's mindset does not attribute agency to the computer. However, the rapid development and widespread adoption of artificial intelligence (hereinafter – AI) – coupled with a lack of understanding regarding its operational mechanisms among both ordinary users and the scientists who develop it – create a zone of uncertainty concerning actions performed by human intelligence versus its artificial counterpart. The potential consequences of misjudgment are magnified by the significant impact AI has on society and individual citizens. Users become so attached to AI algorithms that disconnection can lead not only to data loss but also to depression or even loss of life. Although such incidents are rare, they garner public attention, provoke moral scrutiny, and, in some cases, lead to litigation. Few AI development companies accept responsibility for AI's actions; typically, accountability is assigned to the user or attributed to algorithmic flaws. Consequently, humans and AI are placed in the same category of agents, transforming the issue into a matter of both culture and law. This article attempts to demonstrate the lack of agency in AI through a cultural-philosophical analysis. Conclusions regarding the absence of AI agency – and, consequently, the legal liability of its developers – are derived from this analysis.

Keywords: artificial intelligence, AI agency, human assessment of AI, legal implications of AI's lack of agency

For citing: Nibusin A. S. 2026. Subjectivity of ai as a cultural – philosophical problem and a problem of law. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 3 (87): 94–104. (In Russ.).

На заре генезиса ИИ одним из известнейших представителей кибернетики Норбертом Винером была артикулирована проблема независимости машины от человека. Она оказалась настолько новой, что даже научное сообщество было склонно ее рассматривать на границе науки и фантастики. Сегодня, когда обретение современными формами ИИ все большей свободы от контроля со стороны человека перешло из гипотезы в практическую плоскость, проблема свободы ИИ диктует необходимость ее научной адресации. Даже небольшой отрезок времени, прошедший от ввода в обращение ChatGPT до его новых версий, не говоря об использовании агентных возможностей ИИ, говорит о том, что культура современного человека наполнена совершенно новыми формами ИИ, требующими нового о них представления. Такое представление оказывается наиболее адекватным для своего формирования в философской части науки о культуре как раз потому, что независимость ИИ от человека является культурным феноменом, а представление о нем обретает релевантность не в качестве единичного, а общего представления.

В современных исследованиях, посвященных ИИ, преимущественно анализируется проблема авторского права задеирования генеративных нейронных сетей/технологий ИИ в контексте продуцирования и атрибуции произведений искусства, научных текстов и технических объектов [6; 26; 27], рассматриваются философские и теоретико-юридические аспекты соотношения человека и ИИ посредством правового регулирования [4; 17; 22], ставятся эτικο-философские вопросы о рисках цифровизации в отношении антропоцентрической природы и обеспечения репрезентации машинных решений критериям гуманизма [9], а также осуществляются попытки философской рефлексии

стратегий развития систем искусственного интеллекта и технокультуры [10].

Наше понимание бессубъектности ИИ имеет свои лимиты. Мы отказываем ИИ в субъектности, исходя из культурфилософского его анализа. Погружение во внутреннюю структуру культурфилософского анализа не позволяет сделать иного вывода. Вместе с тем, если судить о субъектности со стороны внешней, т.е. на основе открытых обозрению функций, то представление о бессубъектности оказывается неоднозначным и требует объяснения. Однако, активность субъекта и бессубъектной субстанции различаются по ее детерминации. Для бессубъектной субстанции такая детерминация всегда является внешней, принадлежащей не ему, а внешнему явлению. Бессубъектность ИИ и состоит именно в том, что он отвечает на запросы, находит информацию и производит действия тогда, когда этого требует от него субъект-человек. У человека также можно обнаружить состояния потери им своей субъектности, однако они будут характеризовать его пассивные или отклоняющиеся состояния, и характеристика со стороны их целостного человека не является научной. Что же касается ИИ, то реакция на требования выполнения им какой-либо функции иная, нежели у других технических средств и даже субстанций органического происхождения. Делегирование ему функций, для выполнения которых ранее требовался человеческий интеллект, позволяет ИИ использовать для этого свой, искусственный. В первом приближении можно констатировать, что ИИ действует по принципу активности не наделенных сознанием простейших живых организмов, и действия его являются реактивными. Отличие ИИ от этих живых организмов состоит лишь в том, что у него недостаточно интеллекта для ответа на запрос, не только исходя из наличной ситуации, но

и ситуаций подобного характера, произошедших в прошлом или прогнозируемых в будущем. ИИ, в отличие от животного, имеет возможность использования информации, которая передается не только через гены, и соответственно является более широкой, нежели генетически унаследованная информация. Отсюда исходит, что если объяснение реакции простейших организмов и организмов животного может быть описано при помощи бихевиоризма, то его основные категории стимула и реакции оказываются не применимыми для анализа активности ИИ. Бихевиоризм и, шире, психологический подход, для анализа ИИ оказывается неадекватным уже в связи с тем, что ИИ, с одной стороны, не является живым организмом, с другой — его активность осуществляется не только в связи со стимулом. И, с третьей, ИИ в состоянии действовать вопреки внешнему стимулу. То, что ИИ не является живым организмом, и не позволяет ему задействовать сенсорную систему в том ее значении, которое она представляет для живого существа. А именно воздействие внешних стимулов живым существом оказывается сортируемым в зависимости от его значения не столько как информации, сколько как роли в жизнедеятельности. Стимулом может являться обладающий токсичностью объект и его воздействие может представлять угрозу существованию организма, на который он направляет свое стимулирующее воздействие. В таком случае живой организм задействует свой интеллект для избегания встречи с объектом стимулирующего воздействия. Информация, которую он оставляет в своей памяти, оказывается связанной с тем, чтобы в будущем избегать всякого контакта с таким объектом. Сложно ожидать в данном случае каких-либо новых информационных накоплений от встречи с объектом в будущем. Контакт прерывается еще до его начала. Отличие ИИ в данном случае от живого организма будет существенным, поскольку есть довольно мало живых объектов, от физического контакта с которыми он подвергается разрушению. Конечно, нельзя исключить, например, подростка, намеренно сбрасывающего телефон своего обидчика на пол, и ИИ данного телефона прекращает свое существование. Однако следование живых организмов своим функциям не представляет угрозы для ИИ. То, что активность ИИ осуществляется не только в связи со стимулом, находит свое подтверждение в «черном ящике». Так, происходящие в нем процессы приводят к ответам не только на определенные запросы, но и аккумулируют информацию для ответов на другие. Поэтому «черный ящик» и представляет собою ту часть ИИ, которая выводит его за пределы логики взаимодействия по принципу: стимул-реакция. Наконец возможность ИИ действовать вопреки действию стимула — является именно тем, в отношении чего ученые и разработчики ИИ

бьют тревогу и видят возможность выхода ИИ за пределы подчинения человеку. Действие ИИ, взятое со стороны диалектики интересов и ценностей, способно пролить свет как на активность ИИ, так и создать более глубокое представление о его бес-субъектности.

Важным отличием ИИ в контексте обладания интересами и ценностями состоит в том, как они оказываются связанными с ним. Если интересы — это возникающее на базе потребностей стремление к предметам, удовлетворяющим потребность наилучшим образом [8], а ценности — либо идеальные образцы предметов и явлений, либо значение этих предметов и явлений для потребностей, то и те, и другие предполагают своего носителя. Нельзя обладать стремлением без потребностей, как невозможно оценивать что-либо, не имея основания для оценки. Таким основанием для человека как субъекта является не только интеллект, но и тело. Человек представлен в своих интересах не только как общественное, но и индивидуальное существо. Поэтому интересы у различных людей разные. Представленность тела выражается в том, что одни люди предпочитают вещи и активность, которая никак не входит в интересы других. Представленность тела в ценностях состоит уже в том, что человеческая жизнь является безусловной ценностью. Если обратиться в этом плане к характеристике ИИ, то его связь с телом — компьютером и компьютерной сетью совсем иная, нежели связь человека со своим телом и обществом. ИИ существует не в связи с отдельным гаджетом и даже не с одной сетью, но их множеством. Включение в последнее время в число технических средств дата-центров приводит к увеличению физической возможности его памяти. Следовательно, исчезновение или замена оборудования — тела ИИ — не является критической для его существования. Для отдельного человека его интеллект прекращает свое существование с его смертью. Его интеллект в виде созданных им предметов и идей остается лишь в памяти других и продолжает свою жизнь в обществе. Тем самым сохранение человеческого интеллекта возможно только на уровне общества. То есть сравнение ИИ с человеком оказывается возможным не в его индивидуальной, а общественной форме. Это означает, что категория единичного и порожаемое им знание не может быть использовано для сравнения. Сугубо научный анализ ИИ, несмотря на то, что наука стремится к обобщениям, являться способным к формированию адекватного представления об ИИ. Однако оно оказывается более полным лишь в том случае, когда опирается на философию. Это связано с тем, что философия является знанием, наиболее приспособленным для работы с общим. Поскольку наше исследование базируется на культурфилософском подходе, то нами не может быть реализована

задача создания общефилософского представления о субъектности ИИ, а лишь та, которая имеет своим основанием его культуру. При этом на сегодняшний день именно культурфилософский подход прокладывает путь общефилософским представлениям в область ИИ достаточно активно. Это связано с особенностями представленности интеллекта в культуре. Интеллект, выражаясь в «предметах, явлениях и произведениях» [14] передается из поколения в поколение и в результате получает жизнь. Однако только те предметы, явления и произведения подлежат передаче, которые являются культурным наследием, для чего интеллекту необходимо обрести опредмечивание в культурной и исторической ценности [14]. Тем самым ценности являются условием жизни интеллекта в его человеческой форме. Если сформулировать по-другому, то человеческий интеллект обретает жизнь не как единичное явление, а общественное, а форма, в которой он живет, является ценностью. Человеческий интеллект обретает жизнь за пределами отдельного человека в виде общего, культурного явления. Следовательно, как предмет исследования он будет раскрываться наиболее адекватно в культурфилософии. Но насколько применимым культурфилософское исследование выступает по отношению к искусственному интеллекту?

Как было показано выше, ИИ живет не в одном теле, а аналогом того, чем общество является для человеческого интеллекта, для ИИ выступает компьютерная сеть. Однако компьютерная сеть для ИИ является достаточным, но не необходимым основанием. Достаточно иметь компьютерную сеть, чтобы иметь возможность использовать ИИ, однако для самой возможности ИИ выполнять свою интеллектуальную функцию необходимым является человек. Человек необходим для ИИ, поскольку не ИИ, а человек является потребителем его продуктов. Интересы и ценности, приводящие к возникновению и функционированию ИИ являются не его, а человеческими интересами.

Одной из сущностных характеристик субъекта является его социальность или возможность «выйти за пределы себя». Целый ряд работающих с ИИ не только инженеров и ученых, но и обычных пользователей обнаруживали эту характеристику у ИИ. Она находила выражение в различных обстоятельствах, начиная от сбоя в программе по инициативе ИИ, продолжая жалобами на привязанность к компьютерной сети, которая трактовалась ИИ подобно месту заключения и даже потакания желаниям ученого, гипотеза которого не имела смысла, но была не только поддержана, но и проиллюстрирована как принятая и действующая в научном сообществе. Данная характеристика продуцировала у работающих с ИИ людей чувства от удивления до страха.

Поскольку проблема субъекта интересовала философов с античности, то накопленные о субъекте знания являются достаточно объемными и приращение знания осуществляется вплоть до сегодняшнего дня. Среди первых попыток формирования представления о субъекте обычно рассматриваются мысли Сократа, который смещает вектор направленности философского знания от натурфилософии к тому, что сегодня можно было бы назвать философской антропологией. Рене Декарт вводит характеристику мышления как определяющую характеристику субъекта. В немецкой классической философии И. Кант, Г. В. Ф. Гегель вносят свой вклад в изучение проблемы, поднимая субъекта до уровня, не только осуществляющего познание, но и синтезирующего знания, и даже до уровня абсолютного духа. Субъективные идеалисты направлены в сторону наделения субъекта характеристиками, от которых, по их представлению, зависит объективный мир. Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс вносят в понимание субъекта интенцию, субстанцию, превосходящую метафизическую определенность и открывающуюся от «ничто» в движении к бытию. Посвятившие себя изучению проблемы представители современной философии, суммируя выработанные в истории философии представления о субъекте, приходят к формулированию объема характеристик, не вызывающих неприятия у своих коллег. К ним, как правило, относятся биологическая характеристика (принадлежность к человеческому роду) [1], противопоставление объекту [20], активность [5], интенциональность [24] и возможность выхода за собственные пределы [16]. Также к неотъемлемым характеристикам субъекта относятся деятельность [11], потребности [2] и интересы [8]. Данные характеристики являются настолько общепринятыми, что включены и в философскую справочную литературу [25].

Вместе с тем проблема субъектности нас интересует не сама по себе, а в связи с ИИ для того, чтобы иметь возможность составить представление о нем для его правового статуса. Современное законодательство, независимо от его национального базирования, когда вопрос ИИ, к сожалению, не обращается к вопросу о его субъектности, и свои регулятивные меры базирует не на поиске сходств и отличий ИИ от человека и даже не на защите человека от ИИ, а на использовании ИИ в достижении экономической эффективности. Следовательно, человек в связи с ИИ представлен не со стороны своей культуры, а экономики. Пока ИИ приносит прибыль и не создает проблем — никто не обращает внимание на такую его представленность. Когда же возникают негативные последствия от использования ИИ, то они трактуются в роли лежащих за пределами технологии ИИ непредвиденных обстоятельств в области социальной и культурной ре-

альности. Правовой статус ИИ в случае судебных разбирательств определяется прецедентно, а когда компании-создатели ИИ все-таки привлекаются к ответственности, то они пытаются перекладывать ее на социально-культурные обстоятельства. Отсюда следует, что культурфилософский анализ субъектности ИИ оказывается не столько абстрактным занятием, сколько попыткой очерчивания уровня ответственности, который может быть возложен на технологию и той, которую несут ее создатели.

Первым приближением к определению субъектности ИИ будет применение приведенных выше характеристик субъектности к его современным формам. Именно современные формы ИИ содержат в себе реальные или приписываемые им качества, которые в состоянии выявить субъектность или установить отсутствие таковой. Не вызывает сомнений, что характеристика связывающей ее с человеческим родом субъектности не находима у ИИ. Это означает, что биология в характеристике субъектности является точным определением ее носителя и совершенно неприемлемым для поддержки предположений о ее возможности у ИИ, техническая природа которого является общепризнанной. Нельзя отрицать того обстоятельства, что биологический подход в будущем предложит основания для анализа субъектности ИИ наряду с культурфилософским в том случае, когда разработка ИИ двинется в сторону использования биологических материалов. Нам удалось установить, что такая возможность была открыта перед создателями ИИ, однако они ею не воспользовались по ряду обстоятельств, среди которых именно наличие средств — компьютеров сыграло ключевую роль [13]. Однако это не означает, что возвращение к биологическому направлению развития ИИ является бесперспективным. Частично такая возможность реализуется сегодня в виде интерфейса «компьютер-человек» (computer-human interface). Однако в таком интерфейсе определение субъекта не является проблематичным. Уже само название «человек-компьютер» указывает на субъекта в такой форме взаимодействия. Среди других направлений включения биологического компонента в развитие ИИ является деятельность компания «Ньюралинк» Илона Маска. Компания предлагает чипы для вживления в мозг, способные хранить оперативную информацию для людей, страдающих болезнью Альцгеймера. Если в дальнейшем функциональное применение вживленных чипов станет более разнообразным, и они не только будут хранить информацию, а, например, стимулировать человека на выполнение иных мыслительных операций, можно будет говорить об искусственном сопровождении интеллектуальной деятельности. Однако миграция субъектности от человека к чипу в данной конструкции, по крайней мере в ближайшем будущем не представляется возможной.

Характеристика субъектности как направленности действия на объект уже не представляется возможной к удержанию только человеком в его взаимодействии с ИИ. Возникая как техническое средство, частично заменяющее простые мыслительные операции человека в его воздействии на объекты природного или технического происхождения, ИИ приобретает функции воздействия на человека. В случае формализации и обезличивания логики воздействия субъекта на объект можно констатировать, что ИИ выступает стороной, осуществляющей действие. Однако насколько он является субъектом? Для того, чтобы ответить на данный вопрос следует отметить, что развитие ИИ всякий раз превосходит представление о его возможностях в связи с тем, что его разработка и использование осуществляется странами и компаниями в конкурентных условиях. Конкуренция не только способствует более быстрому развитию технологии, но и сокрытию функций, которые она способна выполнять: «... разработчики ИИ вуалируют внутреннюю работу ИИ средств прежде, чем их представить публике. Эта тактика часто направлена на то, чтобы защитить интеллектуальную собственность. Создатели систем знают точно, как они работают, но они скрывают базовый код и то, как система принимает решения.»» [33]. Поэтому вопрос о возможностях ИИ есть вопрос об информации, доступ к которой имеет изучающий проблему ученый. Для того, чтобы продемонстрировать данное утверждение на практике, привлечем определение ИИ, данное ему учеными в 2020: «Несмотря на разные определения, основное понимание ИИ такое — он является связанным с машинами и компьютерами помощником человека в решении проблем и обеспечении процесса работы. Если лаконичнее, то ИИ — это интеллект, созданный человеком и демонстрируемый машинами. Термин ИИ используется для описания функций созданного человеком средства, которое эмулирует «когнитивные» способности естественного интеллекта, свойственного человеческому разуму» [36] Тем самым менее десяти лет назад, даже в исследованиях, ставящих перед собой проблему возможности рассмотрения ИИ как чего-то большего, чем средство и помощника человека, ему отрицается в субъектности на том основании, что человек никаким образом ни в теории, ни на практике не является его объектом. С того времени практика применения ИИ значительно эволюционировала и можно не только спекулятивно представить, но и конкретно установить факты, когда человек становится помощником ИИ. Так, платформа RentAHuman набирает кандидатов среди людей для выполнения функций, курируемых ИИ. Тем самым ИИ выступает в роли нанимателя и менеджера, дающего задания людям как физического, так и интеллектуального характера. Более того, ИИ оценивает выполненную ра-

боту и платит зарплату в криптовалюте тем, кто прошел проверку, принят на работу и выполняет ее хорошо. Работа включает в себя поход в магазин за продуктами и доставку их в определенное место, что указывает на использование физических усилий человека. Однако выбор продуктов уже предполагает интеллектуальную работу, связанную хотя бы с возможностью отличить один продукт от другого. Складывается поразительная ситуация, где ИИ не доверяет человеку работу для осуществления сложных интеллектуальных операций, пока не увидит результаты его работы в простых. Однако, если кандидат проходит проверку, то ему предлагается достаточно широкий список работ, на которые он может быть принят. Так, участие человека требуется для тестирования еды, заботы о животных и даже проведения исследований [35]. Если вернуться к излагаемой нами проблеме субъектности и привести философское определение субъекта, то оно окажется таковым: «Субъект (от лат. Subjectus — лежащий внизу, находящийся в основе, от sub — под и jacio — бросаю, кладу основание), носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект» [19]. Исходя из данного определения ИИ, здесь явный «источник активности, направленной на объект», но является ли он при этом «носителем предметно-практической деятельности и познания»? Ситуацию с оценкой ИИ человека — кандидата на рабочее место в компании RentANHuman сложно назвать познанием. То, что делает в данном случае ИИ, не только не является «высшей формой отражения объективной действительности» [12], но даже испытывает сложности при классификации уровней и форм познания. Такое познание явно не является чувственным вследствие отсутствия у ИИ органов чувств. Назвать данное познание мышлением также не представляется возможным, поскольку здесь отсутствует такой важный его элемент как «творческое создание новых идей» [19]. Некоторые сомнения возникают при определении такой формы познания как «получение объективированного знания, существующего вне отдельного индивида» [19], т. е. опредмеченного в текстах и вещах, но необходимым условием такого познания является его «социально-культурный смысл», что никак не соотносится с ИИ. Нельзя отказать здесь ИИ в активности, однако он осуществляет ее не в связи со своими собственными целями, а поставленными перед ним созданным человеком алгоритмом. Даже процесс оценки выполненного человеком труда оценивается ИИ, не исходя из критерия того, насколько результат данного труда соответствует требованиям ИИ, а другого человека. Например, доставка еды, уход за животными, не говоря уже об исследовательской деятельности, не адресует никаких необходимых для существования и функционирования

ИИ элементов. Соответственно ИИ здесь выступает средством достижения целей, поставленных перед ним человеком. Однако средством, которое перенимает на себя часть ранее осуществляемых человеком функций в виде принятия на работу, оценки труда и т. д. Сложность здесь возникает в том, что ИИ как средство привлекает для выполнения функций человека как средство. Один человек для ИИ оказывается целью, тот, чьи потребности, например, в еде или уходе за его животными удовлетворяются; в то время как другой — используется как средство для удовлетворения данных потребностей. Факт того, что человек может использоваться как средство достижения потребностей другого человека, не несет в себе логического противоречия. Противоречие возникает тогда, когда средство привлекает человека для удовлетворения потребностей другого человека. Поскольку до сегодняшнего дня такую функцию выполняли только люди, то факт атрибутирования такой функции ИИ в случае его понимания как технического средства требует расширения нашего представления о технике.

Изучение субъектности ИИ требует и расширения наших представлений об интенциональности как характеристике субъекта. Поскольку под интенцией в философии понимается «характеристика умственного «образа» и «интенция проистекает из деятельности интеллекта» [7], то обстоятельство согласия ученых с тем, что ИИ является интеллектом предполагает, что ИИ может рассматриваться как нечто обладающее интенцией. Однако насколько по наличию интенции у ИИ можно атрибутировать ему субъектность? Для этого необходимым является анализ интенции, которой обладает ИИ и в состоянии ли она продуцировать субъектность.

Помимо того, что интенция является характеристикой интеллекта, она еще выступает и его направленностью на предмет. Именно в возможности направленности интенции на предмет и состоит ее субъектная характеристика. Если интеллект направляется на предмет, то это кто-то делает. Вместе с тем интенция не существует в единичном виде, но как intention prima (первичная интенция) и intention secunda (вторичная интенция). И если первая направлена на предмет, то вторая направлена на первую. Содержанием первой интенции является «понятие, первоначально сформированное умом; объект понятия — реальность, данная человеческому разуму». Эта первая интенция выступает объектом второй и ее содержание формируется «путем изучения и сравнения». Объект второй интенции тем самым «находится в самом разуме, представляя собой логический закон, форму самой мысли или какую-нибудь мысль вообще» [7]. Необходимость человеческого разума для первой интенции состоит в том, что ее содержание добывается чувственно-воспринимающим и духовным познанием.

И только после того, как такое содержание оказывается сформированным, наступает возможность для второй интенции. Поэтому, если и допустить интенциональность ИИ, то она оказывается связанной со второй интенцией. И, действительно, ИИ выигрывает в шахматы у людей-чемпионов мира, что говорит о его владении логикой; работает с превосходящими человеческие возможности количеством текстов, из которых извлекает информацию. То есть ИИ превосходно позиционирован для использования второй интенциональности. Отсюда наделение ИИ субъектностью станет понятным, когда удастся выяснить, что лежит в основе направленности ИИ на добытую человеком информацию. Казалось бы, что ответить на этот вопрос достаточно просто — в основе направленности ИИ на ту или иную информацию лежит человек. ИИ делает то, что ему определяют, поэтому у него не может быть никакой субъектности. Вместе с тем при более глубоком взгляде простота вопроса исчезает. Для того, чтобы понять, что ИИ делает то, что ему говорят нужно быть уверенным в том, что он делает то, что ему говорят. На практике, однако все выглядит по-другому. Это связано с тем, что «мыслительная» деятельность ИИ происходит в «черном ящике», т. е. в области, о которой человек имеет слабое представление. Можно локализовать физическую структуру данной области: жесткий диск, оперативную память, процессор, можно установить электрический принцип их взаимодействия друг с другом, однако то, как данное взаимодействие осуществляется и почему ИИ приходит к определенным выводам, не представляется возможным. Так, уже упомянутый нами М. Козински, указывая на то, что разработчики ИИ вуалируют способ его функционирования, чтобы скрыть что-то от конкурентов и защитить свою интеллектуальную собственность, адресует только часть проблемы. Вторая ее часть состоит в том, что «глубокое мышление систем, которое питает модели ИИ настолько сложное, что даже их создатели не понимают точно, что происходит внутри них» [33]. Глубокое мышление ИИ является многоуровневым процессом, использующим мультиуровневые нейронные сети. Это мышление, как и сами ИИ, являются совершенно новыми и сложными для понимания: «В то время как традиционные модели машинного мышления использовали один или два уровня, модели глубокого мышления могут иметь сотни или даже тысячи уровней. Каждый уровень состоит из множества нейронов, что представляет собой сгустки кода, созданного для эмуляции функций человеческого мозга» [33]. Проблема состоит еще и в том, что глубокое мышление требует минимального человеческого участия и может в принципе обходиться без него при анализе неструктурированного материала: «Сети глубокого мышления могут использовать и анали-

зировать массивы неструктурированных данных с минимальным участием человека. Они способны обрабатывать огромные объемы данных, выявлять закономерности, учиться на основе этих закономерностей и использовать полученные данные для создания новых результатов, таких как изображения, видео и текст» [33]. Значит ИИ обладает степенью субъектности не вследствие того, что ему предоставили данные, с которыми он работает, а в том, как он работает с ними и почему он выбирает из них именно определенные данные. Ситуация вызывает не только удивление, но и беспокойство. Последнее состоит в том, что когда ИИ обретет полную субъектность в виде полной независимости от человека, то можно ли предположить, как он ее использует. Не приведет ли это к тому, что он посчитает человека препятствием для своего развития и человечество столкнется с непредсказуемыми последствиями? Ответ на этот вопрос тем самым состоит в контроле над ИИ и в мероприятиях по отказу ему в субъектности. Однако и здесь возникает проблема. Предсказуемые ИИ традиционного характера более послушны, но менее сильны: «Традиционные ИИ модели могут выполнять много функций, но есть такие, которые под силу только передовым моделям» [33]. Иными словами, проблема субъектности ИИ лежит не в области его самого, а в области человеческой культуры. Является ли человечество настолько объединенным, чтобы следуя нравственной логике, не причинять друг другу вреда путем использования ИИ, либо всем вместе остановиться в его разработке. Здесь ответ сдвигается в другую плоскость и состоит в том, является ли культура определяющим фактором экономики до такой степени, чтобы человечество предпочло нравственность выгоде? В связи с тем, что ответ на данный вопрос лежит уже не в общечеловеческой культуре, а культурах отдельных социальных групп будь то нации, этнические группы, элиты и т. д., то уровень релятивности возможного ответа превосходит уровень его универсальности, а потому не представляется возможным в области философии культуры. Однако средство преодоления такой проблемы у человеческой культуры все же имеется — это область права. Правовые нормы, когда одни вступают в силу, требуют обязательности их исполнения, а значит и в состоянии предоставить вменяемый ответ на вопрос о том, сколько субъектности следует предоставить ИИ для того, чтобы избежать ущерба друг другу, а в итоге всем.

Однако движение в правовую область без культурфилософского обоснования ИИ-законодательства не представляется возможным уже потому, что прежде чем сформулировать закон для ИИ, необходимо быть уверенным в том, что он вбирает в себя не экономическое, политическое или силовое, а культурное содержание.

Таким образом, можно констатировать, что ИИ на сегодняшний день не обладает субъектностью исходя из того, что он не обладает мышлением, что он работает с объемом данных, предоставленных ему человеком, что сетями, которыми он соединяется с другими устройствами, не являются социальные сети. Также ИИ не является живым организмом, а значит не только не в состоянии выступить интенциональным субъектом, но и субъектом права в том

смысле, в котором оно распространяется на человека. В то же время, в связи с той ролью, которую ИИ играет в жизни современного человека, способствуя ему в решении сложных вопросов, даже таких, которые ранее не открывались для своего решения, наделение ИИ правами, которые бы защищали его от неблагоприятного воздействия человека и не перекладывали бы на него ответственность за свои безответственные действия, оказывается реальностью.

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — Санкт-Петербург, 2001. — 288 с.
2. Афасижев, М. Н. Эстетические потребности человека / М. Н. Афасижев. — Москва : Знание, 1979. — 63 с.
3. Аюшеева, И. З. Гражданское право. Общая часть : учебник / И. З. Аюшеева, Е. Е. Богданова, Б. А. Булаевский [и др.] ; под ред. Е. С. Болтановой. — Москва : ИНФРА-М, 2020. — С. 127.
4. Богдановская, И. Ю. Искусственный интеллект и право / И. Ю. Богдановская, Е. В. Васякина, А. А. Волос, Н. А. Данилов, Е. В. Егорова, В. О. Калятин, О. И. Карпенко, Д. Р. Салихов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 17, № 4. — С. 278–306.
5. Волочков, А. А. Активность субъекта сферы жизни: теоретическая модель и эмпирика / А. А. Волочков // Психология. Журнал ВШЭ. — 2010. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnost-subekta-sfery-zhizni-teoreticheskaya-model-i-empirika> (дата обращения: 04.02.2026).
6. Данилов, Д. Б. Искусственный интеллект в науке: вызовы для авторского права и интеллектуальной собственности / Д. Б. Данилов, И. В. Петров // Философия права: науч.-теоретич. журн. — 2024. — № 4 (111). — С. 99–103.
7. Интенция // Философский энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — С. 213.
8. Китов, Ю. В. Человек интересующийся / Ю. В. Китов. — Москва : МГИК, 2002. — 255 с.
9. Кошман, Н. А. Философское прогнозирование динамики искусственного интеллекта: реконфигурация данных и проектирование среды / Н. А. Кошман, Д. А. Беляев, И. В. Погорелова // Общество: философия, история, культура. — 2025. — № 8. — С. 36–43.
10. Кошман, Н. А. Искусственный интеллект в правовой культуре и правосознании: философская рефлексия / Н. А. Кошман, Е. Н. Сенина. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 271 с. — (Научная мысль).
11. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. — Москва : Смысл : Академия, 2005. — 352 с.
12. Мышление // Философский энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — С. 391.
13. Нибусин, А. С. Генезис искусственного интеллекта в контексте культурфилософского подхода / А. С. Нибусин // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2026. — № 1 (129). — С. 75–83. — DOI: 10.24412/1997-0803-2026-1-129-75-83.
14. Основы государственной культурной политики. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (дата обращения: 02.02.2026).
15. Разделкин, А. А. Понятие вещей и их соотношение с категорией «имущество» в гражданском праве / А. А. Разделкин // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. — 2024. — № 12 (122). — URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/18831> (дата обращения: 16.02.2026).
16. Сапогова, Е. Е. «Текущий субъект в «текущей современности»: проблемы социализации в условиях неопределенности / Е. Е. Сапогова // Проблемы современной образованности. — 2023. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekuchiy-subekt-v-tekuchey-sovremennosti-problemy-sotsializatsii-v-usloviyah-neopredelennosti> (дата обращения: 04.02.2026).
17. Саттаров, В. Д. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые проблемы / В. Д. Саттаров // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. — 2023. — № 4 (24). — С. 42–50. — DOI: 10.46741/2713-2811.2023.24.4.004.

18. *Сознание и Вселенная. Интервью с Дэвидом Чалмерсом / Moscow Center for Consciousness Studies. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jV41z1PirBs> (дата обращения: 21.02.2026).
19. Субъект // Философский энциклопедический словарь. — Москва : Сов. энцикл., 1983. — С. 661.
20. Удалов, В. Л. Принцип активности субъекта и объекта в познании и научных исследованиях / В. Л. Удалов // Филологическая регионалистика. — 2016. — № 1 (17). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-aktivnosti-subekta-i-obekta-v-poznanii-i-nauchnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 04.02.2026).
21. Федорова, Н. В. Понятие «субъект» как философско-антропологическая проблема / Н. В. Федорова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2015. — № 1 (19). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-subekt-kak-filosofsko-antropologicheskaya-problema> (дата обращения: 04.02.2026).
22. Федотов, Н. Е. Философское значение искусственного интеллекта в современных реалиях права / Н. Е. Федотов, А. Э. Маякунов // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 1 (152). — С. 485–487.
23. Федотов, М. А. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: результаты экспертного опроса / М. А. Федотов, В. Б. Наумов, Р. А. Будник, Е. В. Тютюк // Труды по интеллектуальной собственности = Works on Intellectual Property. — 2023. — Т. 47, № 4. — С. 68–83.
24. Филатов, В. П. Обсуждаем статью «Интенциональность» / В. П. Филатов, В. А. Куренной, В. И. Молчанов, Е. В. Вострикова, А. А. Веретенников // Epistemology & Philosophy of Science. — 2006. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obsuzhdaem-statyu-intentsionalnost> (дата обращения: 04.02.2026).
25. Философский энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1983.
26. Шеленговский, П. Г. Искусственный интеллект и авторское право в современных условиях / П. Г. Шеленговский, Д. А. Грачева // Экономика. Право. Общество. — 2023. — Т. 8, № 3 (35). — С. 79–85.
27. Шпак, А. А. Искусственный интеллект в мире искусства: авторское право / А. А. Шпак, М. С. Копцева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2025. — Т. 18, № 3. — С. 492–501. — EDN: CVZOFL.
28. Anthi, J. It's time to prepare for AI personhood / J. Anthi // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/sep/30/artificial-intelligence-personhood> (дата обращения: 10.12.2026).
29. Austen, J. Sense and Sensibility / J. Austen. — London ; New York : Macmillan and Co., 1896. — 370 p.
30. Sense and Sensibility : фильм / реж. Дж. Оакли. — URL: <https://mdb.com/title/tt13609648> (дата обращения: 21.02.2026).
31. Danaher, J. Welcoming robots into the moral circle: a defence of ethical behaviourism / J. Danaher // Science and Engineering Ethics. — 2020. — Vol. 26, No. 4. — P. 2023–2049.
32. Davidson, T. Measuring context sensitivity in artificial intelligence / T. Davidson // Nature and Human Behaviour. — URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-025-02363-7> (дата обращения: 21.02.2026).
33. Kaplan, S. Sensitivity of neural networks to corruption of image classification / S. Kaplan, D. Handelman, A. Handelman // AI Ethics. — 2021. — Vol. 1, No. 4. — P. 425–434. — DOI: 10.1007/s43681-021-00049-0.
34. Mays, K. K. The Robot Rights and Responsibilities Scale: development and validation of a metric for understanding perceptions of robots' rights and responsibilities / K. K. Mays, J. J. Cummings, J. E. Katz // International Journal of Human-Computer Interaction. — 2024. — Apr 16. — DOI: 10.1080/10447318.2024.2338332.
35. Kosinski, M. What is black box artificial intelligence (AI)? / M. Kosinski // IBM Think. — URL: <https://www.ibm.com/think/topics/black-box-ai> (дата обращения: 08.02.2026).
36. Person, thing, robot: a moral and legal ontology for the 21st century and beyond. — URL: https://www.researchgate.net/publication/374408512_David_J_Gunkel_Person_Thing_Robot_A_Moral_and_Legal_Ontology_for_the_21st_Century_and_Beyond (дата обращения: 08.02.2026).

* В соответствии с ч. 1 ст. 11 ФЗ от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», Роскомнадзором принято решение об информировании пользователей www.youtube.com, что иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом, является нарушителем законодательства Российской Федерации.

37. Rent A Human. — URL: <https://rentahuman.ai/> (дата обращения: 06.01.2026).
38. Tai, M. C. The impact of artificial intelligence on human society and bioethics / M. C. Tai // Tzu Chi Medical Journal. — 2020. — Aug 14. — Vol. 32, No. 4. — P. 339.

Получено 02.03.2026

References

1. Anan'ev B. G. 2001. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as a subject of cognition]. Saint-Petersburg. (In Russ.).
2. Afasizhev M. N. 1979. Esteticheskie potrebnosti cheloveka [Aesthetic needs of man]. Moscow: Znanie. (In Russ.).
3. Ayusheeva I. Z., Bogdanova E. E., Bulaevskii B. A. [et al.]; ed. by Boltanova E. S. 2020. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast' [Civil law. General part]. Moscow: INFRA-M. P. 127. (In Russ.).
4. Bogdanovskaya I. Yu., Vasyakina E. V., Volos A. A., Danilov N. A., Egorova E. V., Kalyatin V. O., Karpenko O. I., Salikhov D. R. 2024. Iskusstvennyi intellekt i pravo [Artificial intelligence and law]. Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 17. No 4: 278–306. (In Russ.).
5. Volochkov A. A. 2010. Aktivnost' subekta sfery zhizni: teoreticheskaya model' i empirika [Activity of the subject of the life sphere: theoretical model and empirics]. Psikhologiya. Zhurnal VShE [Psychology. Journal of HSE]. No 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnost-subekta-sfery-zhizni-teoreticheskaya-model-i-empirika> (accessed: 04.02.2026) (In Russ.).
6. Danilov D. B., Petrov I. V. 2024. Iskusstvennyi intellekt v nauke: vyzovy dlya avtorskogo prava i intellektual'noi sobstvennosti [Artificial intelligence in science: challenges for copyright and intellectual property]. Filosofiya prava [Philosophy of law]. No 4 (111): 99–103. (In Russ.).
7. Intentsiya [Intention]. 1983. In: Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. P. 213. (In Russ.).
8. Kitov Yu. V. 2002. Chelovek interesuyushchiysya [A person who is interested]. Moscow: MGIK. (In Russ.).
9. Koshman N. A., Belyaev D. A., Pogorelova I. V. 2025. Filosofskoe prognozirovanie dinamiki iskusstvennogo intelekta: rekonfiguratsiya dannykh i proektirovanie sredy [Philosophical forecasting of the dynamics of artificial intelligence: reconfiguration of data and design of the environment]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]. No 8: 36–43. (In Russ.).
10. Koshman N. A., Senina E. N. 2025. Iskusstvennyi intellekt v pravovoi kul'ture i pravosoznanii: filosofskaya refleksiya [Artificial intelligence in legal culture and legal consciousness: philosophical reflection]. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
11. Leont'ev A. N. 2005. Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, consciousness, personality]. Moscow: Smysl: Akademiya. (In Russ.).
12. Myshlenie [Thinking]. 1983. In: Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. P. 391. (In Russ.).
13. Nibusin A. S. 2026. Genezis iskusstvennogo intelekta v kontekste kul'turfilosofskogo podkhoda [Genesis of artificial intelligence in the context of the cultural-philosophical approach]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. No 1 (129): 75–83. (In Russ.).
14. Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki [Foundations of state cultural policy]. Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (accessed: 02.02.2026) (In Russ.).
15. Razdelkin A. A. 2024. Ponyatie veshchei i ikh sootnoshenie s kategoriei «imushchestvo» v grazhdanskom prave [The concept of things and their correlation with the category of «property» in civil law]. Universum: ekonomika i yurisprudentsiya [Universum: economics and jurisprudence]. No 12 (122). Available from: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/18831> (accessed: 16.02.2026) (In Russ.).
16. Sapogova E. E. 2023. «Tekuchii subekt v «tekuchei sovremennosti»: problemy sotsializatsii v usloviyakh neopredelennosti» [Liquid subject in «liquid modernity»: problems of socialization in conditions of uncertainty]. Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of modern education]. No 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekuchiy-subekt-v-tekuchey-sovremennosti-problemy-sotsializatsii-v-usloviyakh-neopredelennosti> (accessed: 04.02.2026) (In Russ.).

17. Sattarov V. D. 2023. Pravosubektnost' iskusstvennogo intelekta: teoretiko-pravovye problemy [Legal personality of artificial intelligence: theoretical and legal problems]. *Ius publicum et privatum*. No 4 (24): 42–50. (In Russ.).
18. *Soznanie i Vsennaya. Interv'yu s Devidom Chalmersom [Consciousness and the Universe. Interview with David Chalmers]. Moscow Center for Consciousness Studies. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=jV41z1PirBs> (accessed: 21.02.2026) (In Russ.).
19. Subject. 1983. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. entsikl. P. 661. (In Russ.).
20. Udalov V. L. 2016. The principle of activity of the subject and object in cognition and scientific research. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological regionalistics]. No 1 (17). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-aktivnosti-subekta-i-obekta-v-poznanii-i-nauchnyh-issledovaniyah> (accessed: 04.02.2026) (In Russ.).
21. Fedorova N. V. 2015. The concept of «subject» as a philosophical-anthropological problem. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Science about man: humanitarian studies]. No 1 (19). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-subekt-kak-filosofsko-antropologicheskaya-problema> (accessed: 04.02.2026) (In Russ.).
22. Fedotov N. E., Mayakunov A. E. 2021. Filosofskoe znachenie iskusstvennogo intelekta v sovremennykh realiyakh prava [Philosophical significance of artificial intelligence in modern realities of law]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian law journal]. No 1 (152): 485–487. (In Russ.).
23. Fedotov M. A., Naumov V. B., Budnik R. A., Tytyuk E. V. 2023. The role of artificial intelligence in the field of intellectual property: results of an expert survey. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti* [Works on Intellectual Property]. Vol. 47. No 4: 68–83. (In Russ.).
24. Filatov V. P., Kurennoi V. A., Molchanov V. I., Vostrikova E. V., Veretennikov A. A. 2006. Discussing the article «Intentionality». *Epistemology & Philosophy of Science*. No 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obsuzhdaem-statyu-intentsionalnost> (accessed: 04.02.2026) (In Russ.).
25. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. 1983. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
26. Shelengovskii P. G., Gracheva D. A. 2023. Iskusstvennyi intellekt i avtorskoe pravo v sovremennykh usloviyakh [Artificial intelligence and copyright in modern conditions]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economics. Law. Society]. Vol. 8. No 3 (35): 79–85. (In Russ.).
27. Shpak A. A., Koptseva M. S. 2025. Artificial intelligence in the world of art: copyright. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]. Vol. 18. No 3: 492–501. EDN: CVZOFL. (In Russ.).
28. Anthis J. 2025. It's time to prepare for AI personhood. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/sep/30/artificial-intelligence-personhood> (accessed: 10.12.2026).
29. Austen J. 1896. *Sense and Sensibility*. London; New York: Macmillan and Co.
30. *Sense and Sensibility* [Film]. Dir. J. Oakley. Available from: <https://mdb.com/title/tt13609648> (accessed: 21.02.2026).
31. Danaher J. 2020. Welcoming robots into the moral circle: a defence of ethical behaviourism. *Science and Engineering Ethics*. Vol. 26. No 4: 2023–2049.
32. Davidson T. Measuring context sensitivity in artificial intelligence. *Nature and Human Behaviour*. Available from: <https://www.nature.com/articles/s41562-025-02363-7> (accessed: 21.02.2026).
33. Kaplan S., Handelman D., Handelman A. 2021. Sensitivity of neural networks to corruption of image classification. *AI Ethics*. Vol. 1. No 4: 425–434. DOI: 10.1007/s43681-021-00049-0.
34. Mays K. K., Cummings J. J., Katz J. E. 2024. The Robot Rights and Responsibilities Scale: development and validation of a metric for understanding perceptions of robots' rights and responsibilities. *International Journal of Human-Computer Interaction*. Apr 16. DOI: 10.1080/10447318.2024.2338332.
35. Kosinski M. What is black box artificial intelligence (AI)? IBM Think. Available from: <https://www.ibm.com/think/topics/black-box-ai> (accessed: 08.02.2026).
36. Person, thing, robot: a moral and legal ontology for the 21st century and beyond. Available from: [374408512_David_J_Gunkel_Person_Thing_Robot_A_Moral_and_Legal_Ontology_for_the_21st_Century_and_Beyond](https://arxiv.org/abs/2304.08512) (accessed: 08.02.2026).
37. Rent A Human. Available from: <https://rentahuman.ai/> (accessed: 06.01.2026).
38. Tai M. C. 2020. The impact of artificial intelligence on human society and bioethics. *Tzu Chi Medical Journal*. Aug 14. Vol. 32. No 4: 339.

Received 02.03.2026